

Сергей Яшин

Стихотворения и поэмы

СЕРГЕЙ ЯШИН

Стихотворения и поэмы

Журнал «Апокриф» в Москве, вып. 2
Апрель 2016

СОДЕРЖАНИЕ

LUX.....	5
NOX.....	6
АЛАМУТ.....	7
НАДПИСЬ НА КНИГЕ МЕТАМОРФОЗ	8
НАДПИСЬ НА ПЕСКЕ	9
СТАТУЭ ЭРОТА, ОПРОКИНУТОЙ ХРИСТИАНАМИ	10
ВОРОЖБА	11
ДРАКОН И АНГЕЛ.....	12
ТАНЕЦ АЛХИМИЧЕСКИХ ЛЬВЯТ	13
1	13
2	13
3	14
ЖРИЦА	15
НА ЗАКАТЕ БОГОВ.....	16
САКРАЛЬНЫЙ ИНЦЕСТ	17
ДОЧЕРИ НЕБА.....	18
ЗЕРКАЛА.....	19
АЛАЯ ДЕВА.....	20
ОТПРЫСКИ БЛУДНИЦЫ	21
СОН АДАМА.....	22
КОРОЛЕВСКАЯ СМЕРТЬ.....	23
ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ.....	24
NIGREDO	24
ALBEDO	24
RUBEDO	25
ОККУЛЬТНАЯ ВОЙНА	26
ТАНТРИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ	27
MAGICK	28
АЦЕФАЛ	29
ДЕЛЬФЫ	30
ЧЕТА ЭОНА.....	31
ОТРАВЛЕННАЯ ПЛОТЬ	32
АЛГОЛАНГИЯ	33
ЗАПАХ ТЬМЫ	34
ЛУННЫЙ ЗАГОВОР	35
ВЕСТНИКИ	36
ПОСЛЕДНИЙ КАУДИЛЬО	37
ЛОВЛЯ	38

МОЛОКО ДИАНЫ	38
БЕСТИАРИЙ	40
ПОСЕВ	41
ВОЯЖ ОРФЕЯ	42
УРАНИЯ	43
АДАМИТЫ	44
ОБЕТ	45
РОЩИ	46
КАДМ	47
ВАДЖРА	48
ВРЕМЯ АВАТАР	49
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ	50
НЕКРОМАНТЫ	51
СЕМЬ	52
ПУСТОТА	53
ПАРАДИЗ	54
НОЧНОЕ БЕШЕНСТВО	55
ТЕМПОРАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ	56
ЛУННЫЙ ТАНЕЦ	57
ВАШ ДАР	58
ЗОЛОТАЯ ГРИВА	59
ЕДИНОРОГ. АКРОСТИХ	60
САЛАМАНДРА	61
ARS REGIA	62
ТЕЛЕМА	63
ЗВЕРЬ	64
БАБАЛОН	65
МОРСКИЕ АКРОСТИХИ	66
1	66
2	66
3	66
4	66
5	67
6	67
ЛИЛИТ. ЛОЛИТА. ЛОРЕЛЕЯ	68
1	68
2	68
3	68
САРКОФАГ АДЕПТА	69

LUX

Ты знаешь мир – магическая поза,
И всё, что в нём – наш ритуальный жест.
Цвети на мне, мистическая Роза,
Я Твой возлюбленный, равноконечный Крест.

Я предпочёл Тебя, отвергнув плоть невест...
Их множество... Они – метаморфоза.
Но лишь с Тобою не страшна угроза
Суровых стражей этих мест.

Едино всё: Восторг и муки,
И страстные свиданья, и разлуки.
Мы постигаем, что различий нет.
На все вопросы знаем мы ответ;

В распятыи нашем простираем руки
И в час полуночный распознаваем Свет.

NOX

Ночь приближается. Стою обнажена,
Прикрыв ладонью девственное лоно.
Иль отрок я, восставший ото сна,
Чей фаллос напряжён неугомонно.

Я Бог и Зверь.... Не ведаю препона,
Проникнув в Ту, что Мне присуждена.
И женщиной, не удержавшей стона,
Я устремляюсь с алхимического дна.

Себя зачну. Неведомо и странно...
Ребёнок я, что вновь наворожён
И погребён в суггестии тумана.

Вновь сочетаются во мне – Она и Он:
Жена багряная, чьё имя – Бабалон,
Взошедшая на ложе Бога Пана.

АЛАМУТ

Мы в роскошных каретах спешим в Аламут.
У нас времени нет. Знаю, точно нас ждут.

Мы придём под навес полуночной поры.
Нас, врата отворив, встретит Старец Горы.

За собою поманит небрежно рукой,
Приведя, наконец, в потаённый покой.

Чтоб сидеть на коврах и, смакуя гашиш,
Равенантов пугать в углублениях ниш.

Сквозь дрожания век, что налились свинцом,
Созерцать пляску дев, с побледневшим лицом.

Здесь, пожалуй, не счесть всех запретных услад;
Так пьянит нас вино, превращённое в яд.

Мы в роскошных каретах спешим в Аламут.
Серебром полнолуния зыблется пруд.

Только здесь мы найдём долгожданный ответ,
Когда Старец Горы нам протянет стилет.

Где-то в Райском Саду бьёт Кровавый Фонтан,
И кинжал в рукаве, и в ладони тюльпан.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ МЕТАМОРФОЗ

Милый ты мой талисман – книга в старинном сафьяне,
Голову кружишь опять тяжким дыханием роз.
Образы древних Богов в чувственном встанут тумане,
Только раскрою, вздохнув, книгу Метаморфоз.
В омут глядится Нарцисс, жажда своё отраженье,
Вновь об опасном полёте молвит Икару Дедал.
К статуе плотью припав, сам застывает в томленьи
Тот, кто с надеждой поверил в мраморный свой Идеал.

НАДПИСЬ НА ПЕСКЕ

Имя твоё написал я, в полдень античного лета.
Каждую букву я вывел стилем в прибрежном песке.
Вторили волны морские странной печали поэта,
Белые чайки кричали что-то в неясной тоске.
Вечного нет ничего. Имя заветное смыто.
Видно, что к грусти моей был безразличен прибой.
Всё же мне хочется верить, будто его Афродита,
Выйдя на солнечный берег, стёрла жемчужной стопой.

СТАТУЕ ЭРОТА, ОПРОКИНУТОЙ ХРИСТИАНАМИ

Сброшен безжалостно Бог в заросли терпких левкоев,
Мрамор сверкает среди них нежной тоской естества.
Крошка как будто уснул в ласковой дрёме покоев,
Только смущённой улыбкой детские стынут уста.
Милый, ты черни прости вечную глупость людскую,
Хоть, согрешив, и виновны тяжко они пред тобой.
Я же, склоняясь в слезах, в лобик тебя поцелую;
В память о грусти сорвав, если позволишь, левкой.

ВОРОЖБА

Я начертал сокровенные знаки,
Ты разложила костёр на поляне.
В сонных деревнях завоют собаки,
В страхе смертельном проснутся селяне.

Дети заплачут в своих колыбелях,
Ласки прервут, обессилив, супруги.
Холодно им на широких постелях,
Плоти бессильны отныне потуги.

Даже покойников что-то тревожит,
Что-то не дремлет им на погосте.
Им не уютно. Им страшно до дрожи...
Что-то томит одряхлевшие кости.

Станных видений пройдут вереницы,
Кто-то заплачет, склонясь к изголовью.
Оборотню страшно в себя обратиться,
Плохо вампирам, напившимся кровью.

Что стережёт пилигримов во мраке?
Кто там крадётся неслышно в тумане?
Я начертал сокровенные знаки,
Ты разложила костёр на поляне.

ДРАКОН И АНГЕЛ

Виталии

Укрой меня под сенью белых крыл,
От Смерти сохранив и сохранив от Жизни.
Что б я к ногам Твоим на этой тризне
Напиток жертвенный из чаши бы излил.

Всё преломляется, как в многогранной призме,
Всё изменяется, но я не изменил.
И облик Твой по-прежнему мне мил,
Но облик Твой... Что может быть капризней?

Смотри внимательно и прозревай сквозь сон
Игру химер над призрачностью башен,
Сквозь витражи готических окон.

Ты видишь – там и Ангел, и Дракон.
Но Ангелу Дракон уже совсем не страшен.
Змей огнедышащий Любовью укрощён.

ТАНЕЦ АЛХИМИЧЕСКИХ ЛЬВЯТ

1

Как жизнь событиями богата
Постигших тайны воплощений.
Не преклонят они колени,
Не испугает их расплата.

На каждой пройденной ступени
Им – алхимическое золото.
Как жизнь событиями богата
Постигших тайны воплощений.

Они из призрачных селений
Идут с рассвета до заката.
Им коронованные львята
Танцуют вальсы Посвящений...
Как жизнь событиями богата.

2

В садах магических растений
Всё странным сумраком объято.
Моя любовница крылата
И не отбрасывает тени.

Её глаза как два агата,
Они мерцают без сомнений.
В садах магических растений
Всё странным сумраком объято.

Закон – Любовь без сожалений...
Что Посвящённому утрата?
Он прозревает в каждом Брата
Или Сестру Уединений
В садах магических растений.

3

Благословенно и заклято,
Се место тайных совершений.
Вот в предвкушении заката
Дрожат причудливые тени.

И созревает наше золото
На каждой пройденной ступени.
Благословенно и заклято,
Се место тайных совершений.

Не преклоняет Бог колени
И в каждом зрит Сестру и Брата.
Мы – Боги. Это без сомнений.
То место, где танцуют львята,
Благословенно и заклято.

ЖРИЦА

В небе полуночном реют белые птицы,
Мрачный монах посылает адептам проклятья.
Знак сокровенный повешу тебе на ключицы.
Видишь, Абракxас на нём простирает объятья.

Кто-то в ладонях прячет испуганно лица,
Плачет монах и целует покорно распятыe.
Мы же под звёзды сойдём, чтобы нам насладиться.
Ласково будем шептать мы друг другу заклатья.

Странных фантомов куда-то скользят вереницы.
Дразнит монаха едва промелькнувшее платье.
Чашу приму я сегодня от избранной Жрицы,
Тайный Грааль в коем Смерть и, конечно, Зачатье.

НА ЗАКАТЕ БОГОВ

Умерли древние Боги, преданы нынче забвенью.
Там где алтарь возвышался, скромный шиповник расцвёл.
Всё, что ты видишь, мой друг, Хронос обрёл разрушенью.
Что же, возляжем, накрыв тризны божественной стол.
Чашу наполним вином самого тонкого чувства;
Здесь, за беседой, воздвигнем снова мистический храм;
Знаем, что трапеза эта – тайное наше Искусство.
Яства за нею вкусивши, станем подобны Богам.

САКРАЛЬНЫЙ ИНЦЕСТ

Тёмная, тёмная Ночь,
Холод чьих-то колен...
Кто ты? Жена или Дочь?
Цветение или тлен?

Наш Сын тебя соблазнит,
И ты не подавишь стон...
Как он с тобою слит,
Священное Лоно лон.

И ты родишь ему Дочь,
Отвергнет он плоть невест.
Невестам он бросит: «Прочь»!
А с Дочерью будет инцест.

От Сына я принял Дочь.
Любовник я или Отец?
Неважно... Ведь в эту Ночь
Тебе – и Трон, и Венец.

ДОЧЕРИ НЕБА

К Сынам Земли тропкою небывалой
Сошли когда-то Дочери Небес.
Их губы рдели, будто бы порез,
И плоть была в лучах заката алой.

И вздрогнул Демиург. Он длительный процесс
Распознавал меж гранями кристалла.
Нагих Богинь и дремлющих принцесс
И тех, кому слепых поверий мало.

Он Башню сокрушил. Потоп он ниспослал.
Он сжёг Содом и наказал Гоморру.
Он бросил яд в магический бокал.

Но пыткам вопреки, суду и приговору
Тебя, Дочь Неба, я женою взял;
И ложе брачное подобно атанору.

ЗЕРКАЛА

Мы – зеркала. И в нас глядится Бог,
Свои же различая отраженья.
Он видит тупики и множество дорог.
Загадки все и все свои решенья.

Мы – зеркала. Мы – призрачный чертог.
Дробятся образы, и взлёты, и паденья.
А Бог глядит. А Бог в недоуменье,
Себя узнав. О, кто подумать мог!

Божественность игры. Сияющие призмы,
Где каждая себе самой двойник
И на себя глядит без укоризны.

Бог к зеркалам всем существом приник.
Его гримасы без конца капризны,
И нравится Ему изменчивый Свой Лик.

АЛАЯ ДЕВА

Из Чаши огненной мне поднесла напиток
Та Дева алая, чьё тело как Рубин.
Он был пьянее выдержанных вин,
И был в нём восхитительный избыток.

На тяжком бархате колеблемых гардин
Луна оккультный начертала свиток.
Дева алая, восторгам наших пыток
Внимал в саду испуганный павлин.

Смотри внимательно во глубину кристалла
И постигай, запретов нет для нас.
С моей возлюбленной спадает покрывало.

- Где мы находимся? – Скажи, который час?
- Се тайный храм, где Божество – Экстаз.
- Се наступает время ритуала.

ОТПРЫСКИ БЛУДНИЦЫ

Наш город Вавилон. Мы – отпрыски Блудницы,
Что совратила мир роскошным естеством.
И мы пришли поведать вам о том,
Как миру этому дано преобразиться.

На лицах наших знак братоубийцы,
В нас зреет мщением Гоморра и Содом.
И должно нам ни хлебом и вином,
А горькой Солью снова причаститься.

Вот Зверь грядёт. На Звере наша Мать
В багрянец царственный как надобно одета.
Их ритуалами мы будем почитать.

Не ждём с небес пустующих ответа.
Плоды запретные... Не нам их воровать.
Мы сами знание, и мы – Плоды Запрета.

СОН АДАМА

Ты спишь, Адам, под ангельский напев,
А Демиург меж тем уж преступил к работе.
И вот ребро... И чья-то плоть от плоти...
И род пошёл дебелих, пышных Ев.

Ты спишь, Адам, в тени больших деревьев,
На них плоды познания в позолоте.
Нажрёшься, знаю ведь, и, захмелев,
Ты вывернешь нутро в мучительной блевоте.

Ну, спи, Адам, ведь всё живое спит.
Вампир космический тебя благословит
Меж радостью жратвы и судорогами случки.

Мир завалился спать. Он сладостно храпит.
Владей женой, подобьем жалкой сучки;
Ты раб, Адам. Влачи ярмо обид.

КОРОЛЕВСКАЯ СМЕРТЬ

Вспять поверни процессы трансформаций,
Во имя Хаоса Гармонию сжигай.

Пусть плоть твою до одури простраций
Терзают демоны из inferнальных стай.

Лишь в бездне Ужаса найти возможно Рай,
Отвергнувши тщету позорных имитаций.
И в странной радости последних экзальтаций
Богов великого безумия встречай.

Есть чувство высшее, земной превыше страсти,
Желание пытать, испытывая боль.
Идёт распад. В огне сгорает Соль.

Сегодня ты постиг, какое это счастье;
Как был растерзан Алхимический Король,
И кровь его стекла с оскала волчьей пасти.

ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ

1

NIGREDO

Сквозь сумерки нам явственен распад,
Щекочет ноздри запашок гниенья.
Пришли мы в зачумлённый Град,
Где бродит Дама зачумленья.

Сию избранницу боится даже Ад.
Трепещут бесы... Страшно зараженье...
И, Дамы сей почуяв приближенье,
Врата пред нею Ада затворят.

Вот реет падальщик среди ажурных башен,
Как будто чёрной мантией украшен;
Добычу пристально выглядывает он.

Он даже падали зловонной страшен.
И стелется лишь погребальный звон,
Как пепел над безмолвьем пашен.

2

ALBEDO

Мы покидаем зачумлённый Град,
Нам нужно в горы удалиться.
Потребен нам лишь горный водопад;
Омыть тела... Воды напиться...

Там в ледяной покоится гробнице
Принцесса... Бел её наряд.
Но суждено ей пробудиться
Для Одного... Свершившего обряд.

И вот лишь Двое странствуют к вершине,
К восходу Солнца в ледяной пустыне,
Дабы молитвенно склониться перед ним.

Сие мы таинство от смертных утаим.
Им не понять, что перед ними ныне.
Кто Серафита здесь, кто Серафим.

3

RUBEDO

Одежды сбросим. Чужд наряд
Взошедшим на Фавор преображений.
Мы в панацею превращаем яд,
В Победу – горечь поражений.

Войдём в Огонь. И пусть тела сгорят,
Уже за гранью плотских исступлений.
Мы сочетаем браком Рай и Ад;
И алым Фениксом уходим от пленений.

Сгорая, шествуем, идя путём Огня,
И возрождаемся, чтобы сгореть любя
Уже в другом, неведомом Эоне.

И вот, являя двуединость бытия,
Резвится, как положено, на Троне
Царь Мира – венценосное Дитя.

ОККУЛЬТНАЯ ВОЙНА

Который год оккультную Войну
Ведут безжалостно восставшие сеньоры.
Сложив одеждами последнюю вину,
Людского племени отринув приговоры.

Кто выбрал символом холодную Луну,
Кто Солнце начертал на орифламме Воли.
Не всё ль равно... Лишь явки и пароли
Не выдать бы во вражеском плену.

Идёт Война. Везде циклон атаки,
И фронт везде. Кто друг и кто здесь враг?
Вот распознать уже различий знаки

Не может даже главный маг.
А башня рушится. Протяжен вой собаки,
И слышен за спиной неторопливый шаг.

ТАНТРИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Уже не девственно начавшееся утро.
На бёдрах кровь. Искусаны уста.
Богам вновь раскрыта Кама-Сутра
На самой тайной позе... Не с проста...

Плоть нежится улыбкой естества,
Как раковина в истоме перламутра.
И в кварцевых кристаллах смутно
Соблазном дразнит каждая черта.

Блаженство... Боль... Бальзам галлюцинаций
Плесни скорей в магический бокал.
Кровавь уста восторгами простраций.

Ты мною станешь, чтоб тобой я стал.
В майтхуне огненной последних трансформаций
Преобразив тела в тантрический кинжал.

MAGICK

Есть только Магия и только Красота,
То Красота магического акта.
Нарушить всё, где пролегла черта,
Но при условии, что нарушение ярко.

Быстрее хронометр тантрического такта.
В запретной ритмике уже и Тот, и Та.
Чтоб крик сдержать кусаешь ты уста.
Вино иль кровь. Неважно...Это сладко.

Вот Сокол наш. В его когтях Завет,
Что писан знаками гностических паролей,
Преображающих любую Ночь в Рассвет.

Закон – Любовь, согласная лишь Воле.
Так Бог изрёк. Другого Бога нет.
Он Страсть, Покой и запредельность Боли.

АЦЕФАЛ

Мне голову снесло секирой трансформаций,
И сердце я вознёс, как огненный бокал.
Магический штандарт немислимых реакций,
Я знак того, чем быть я перестал.

Сакрально всё... Нет ныне профанаций.
Глядите на меня, как будто бы в кристалл.
Там Бога нет, где ныне Ацефал
Доводит мир до одури простраций.

Что выше этого? Нагнать, ликуя, Смерть;
Танцуя, перейти Сверхчеловека,
И навсегда покинуть эту твердь.

От ужаса небес теперь сомкнулось веко.
Кто чаёт возвращенье Золотого Века?
Кто ищет ласки – получает плеть.

ДЕЛЬФЫ

Дельфийский Бог не знает поражений,
Он в зарево побед окрасил небосклон.
Ведёт нас к алтарям гряда живых ступеней,
Здесь Солнце утвердит незыблемый Закон.

Вот стрелы пущены, вот поражён Пифон,
Он бьётся в кольцах Вечных возвращений.
Здесь примут верные печати посвящений,
Ведь ведают они, что время – только сон.

Вновь шествуют жрецы, и вновь звучит кифара,
Возвысился опять солнцеподобный трон.
Заря встаёт, и благостно и яро.

Разорвано кольцо мучительных времён;
То пала цитадель последнего кошмара.
Вселенной больше нет. Демиург сокрушён.

ЧЕТА ЭОНА

Заласкана Зверем нагая Блудница,
И жриц сладострастных пылают уста.
Вот магия чувства и пир естества,
И вечная жажда преобразиться.

Запретных Писаний открыта страница,
Склонилась над ними Избранница Та.
Заласкана Зверем нагая Блудница,
И жриц сладострастных пылают уста.

Пророчествам древним положено сбыться,
И Розе – пылать в средоточье Креста.
Нас ждёт за чертою иная черта;
Вино и плоды, чтобы нам насладиться...
Заласкана Зверем нагая Блудница.

ОТРАВЛЕННАЯ ПЛОТЬ

Де Сада ты прочла. Де Сад уже в былом.
Маркиз перед тобой невинен, как ребёнок.
Ты наслаждаешься неведомым грехом,
И аромат его, как запах розы тонок.

Скажи, каким ты причащалась злом,
В садах мучений, на борту ли джонок
Ты слизывала грех кошачьим язычком?

Ты как Луна. Ты очень похотлива.
Ты как Луна за тучкой голубой.
Ты вся игра, оттенки, переливы.

Раздевшись до нага, не будешь ты нагой...
Так дай припасть жестоко и глумливо
И похоть пить твою из чаш, в которых яд и гной.

АЛГОЛАНГИЯ

Красивый зверь с повадками тигрицы,
Я узнаю тебя по дорогим мехам.
По пальцам, пахнущим бензоем и корицей,
По этим тонким мраморным рукам.

Ты мнишься мне восточной деспотницей,
Я, словно пёс, припал к твоим ногам.
Отдай же, как раба, меня своим рабам.
Богиня, стань, прошу тебя, убийцей!

Вели же, милая, скорей меня распять,
Коли мне плоть заколкой золотою.
О, счастье высшее, от рук твоих страдать.

Такой люблю тебя, безжалостной и злою.
Пусть грудь твоя, божественная Блядь,
Меж чёрным мехом дразнит белизною.

ЗАПАХ ТЬМЫ

У тьмы ночной есть острый запах плоти,
Есть фавна рыжего тяжёлый аромат.
Так поздней осенью туманит разум сад
Плодами сочными в последней позолоте.

Испарина страстей покрыла грудь менад,
Колышется их плоть в мучительной икоте.
Сатиры жадные припали к их дремоте,
Бесстыдны позы их, и фаллосы торчат.

Налейте мне вина, где запах тьмы и тлена,
Налейте мне вина, где запахи страстей
Щекочут ноздри фавнов и зверей...

Белеют в темноте то груди, то колена;
Я пью из чаш трепещущих грудей
И скалю рот гримасами Силена.

ЛУННЫЙ ЗАГОВОР

Сегодня на Луне опять забьют фонтаны,
Журчаньем огласив Луны Эскуриал.
Валторны гибели им вторят неустанно,
Рыданьем белизны переполняя зал.

Нам Королеву лунный трибунал
Велел казнить под музыку паваны,
Чтоб в темноте серебряные раны
Кропили окровавленный кинжал.

О лунный заговор! Томительно и страстно
Взлетит фонтан к земной голубизне.
Нам скажут: полнолуние опасно...

Опасно всё, что видится извне.
Всё, что серебряно, и всё, что слишком ясно,
Как водомёт, взметнувшийся к Луне.

ВЕСТНИКИ

Мы пришли в этот мир Господами Заката,
Чтобы здесь возвестить благодатный Рассвет.
Солнце, древней Звездой, окровавило латы,
С Господами Заката вступая в Завет.

На руках наших славно пылают стигматы,
Это знаки отличия прожитых лет.
Мы придём и погасим искусственный свет.
Только ветру трепать орифламмы расплаты.

Мы придём на Закате в пределы Земли
Возвестить о Рассвете последнему люду,
Чтобы первые вновь свой удел обрели.

Так внимайте же нам. Мы вещаем повсюду,
Как времён не подвластные тяжкому спуду
Восстают из замшелых гробниц Короли.

ПОСЛЕДНИЙ КАУДИЛЬО

В бассейнах Крови сонных ловим рыб,
А рыбы спят, не ведая насилья.
Вновь будем созерцать мы Рога Изобилья
В эпоху Рыб причудливый изгиб.

На глади призрачной лишь грёзы неньюфар,
На грани Ужаса лишь обмороки лилий.
Их белизну вновь мучает кошмар,
Что живы те, кого мы не убили.

Бассейны Крови – омуты зеркал;
В них смотрят пристально сеньоры из Кастилии,
Как маги древние в магический кристалл.

Они распознают короны и мантильи,
И час, когда из сумрака восстал
В эпоху Рыб последний Каудильо.

ЛОВЛЯ

Сегодня сумерки особенно свинцовы,
Но в море брошена магическая сеть.
Ждут рыбаки богатого улова...
Вновь на столе – вино, и рыба – в снедь.

Им ведомо, что, воплотившись, Слово
Сойдёт среди избранных на дрогнувшую твердь.
И, Смертью Крестной попирая смерть,
Раздаст им снедь в тени родного крова.

Сегодня сумерки. Но плавится Свинец,
О борт разбившись пенною волною.
И значит, сумеркам приблизился конец.

О, ловля рыб предутренней порою!
Ладью правит опытный Ловец,
А рыбы золотой мерцают чешуёю.

МОЛОКО ДИАНЫ

Нам жажду утолит девичье молоко,
Исторгнутое в мiр пунцовыми сосцами.
Вот Млечный Путь сквозь зыбкое стекло,
Как тело Нут, вновь распростёрт над нами.

Так небо звёздное к нам в горло истекло
И гланды обожгло, так больно, холодами.
Напиток сей нам смаковать глотками,
Оно трезвит причастников зело.

От трезвости своей мы будем словно пьяны;
Шатаясь, побредём по улицам ночным
И углубимся в киммерийские туманы.

Всем видом утвердим мы истинный экстрим
И песней тишину под утро огласим,
Чтоб встрепенулись горлицы Дианы.

БЕСТИАРИЙ

Причащаются Кровью птенцы Пеликана,
Ритуальным вином наших древних мистерий.
И чувствительно сердце, как алая рана,
Оно чует, как Кто-то приблизился к двери.

Обезглавленный Принц вышел к нам из тумана,
И в ретортах сгустились чернильные тени.
Вместе с принцем пришли под рыданье паваны
Со страниц Бестиария странные звери.

Василиски, ехидны, кенокефалы
Прошумели в урочищах арок старинных
И неспешно вошли в задремавшие залы.

Там кентавры уже подносили бокалы,
Наполняя их млеком голубок невинных
Или соком плодов, что пугающе алы.

ПОСЕВ

Что не убьёт, то сделает сильнее;
Отрава, нож или Любовь.
Чего же ждать ещё, робея.
И сожалеть о чём-то вновь.

Опасность – не удел плебея,
В чьих жилах порченая кровь.
Но ты зерном себя готовь,
На поле жертвенное сея.

Всё выдержать и всё преодолеть,
И выше стать земного притяженья.
И покидая эту клеть,

Уже ощущая запах тленья,
Сказать себе: так это Смерть,
Или намёк на Воскресенье?

ВОЯЖ ОРФЕЯ

Ты следуешь за мной неслышными шагами,
Но только для меня, ты знаешь, выход есть.
Лишь своды тьмы раскинулись над нами,
Но музыкой звучит иная Благовесть.

Инферно – этот мир. Реальности здесь несть.
Он весь пульсирует как будто миражами.
Но ты идёшь, чтоб снова мы стяжали
Плод этой Верности, которой имя Честь.

Я оглянусь. Иного быть не может.
Я оглянусь. Чтоб ты исчезла вновь.
И пусть Судьба стократно боль умножит.

Предназначенье есть по имени Любовь.
И за него, мы ведаем, что строже
С нас спросит Бог, - Который Дух и Кровь.

УРАНИЯ

После просмотра фотоальбома OPUS TRANSFORMATIONIS

Не из ребра. Ты выступишь из пены,
Сияя вновь предвечной наготой.
Заря ласкает грудь. И девичьи колена
Чуть отливают негой золотой.

Не из ребра. Оно – прообраз тлена...
Но ты Урания. Нетленен образ твой.
Звезда Морей. Мгновение же стой,
Преображая в вечность перемены.

Кровавая волна. Крик древнего Титана.
Алмазный серп. А небо, словно рана.
Смешалось воедино... Семья... Кровь...

Но прозреваю я, как из тумана
На берег моря шествует Любовь,
Неся незыблемость девического стана.

АДАМИТЫ

Покровы ни к чему. Мы снова обнажены.
Как в том Саду. Как в первозданный час.
Мы две сокрытые до времени иконы,
Свободны мы. Запретов нет для нас.

Мы претворим оргазм в мистический экстаз,
В молитвословия – несдержанные стоны.
Мы призваны попрасть ненужные законы,
Собой являя двуединый Спас.

Совлечь всё ветхое, подобием одежды...
Воздвигнуть естества нерукотворный храм...
Скрыть наготу пытаются невежды.

А знающим одежда – только срам.
Уста раскрой. Смежи скорее вежды.
Мы обновлённые. Мы – Ева и Адам.

ОБЕТ

Пусть ляжет на уста молчания обет.
Зажжём светильники и вознесём молитвы.
Мы знаем, близится мистический рассвет;
Мы собрались на мессу Бога битвы.

Пусть ночь темна, и траурна палитра,
Но скрыть ли сумеркам божественный Завет?
Неся причастье закланых комет,
На Хара Березайт восходит светлый Митра.

Прими и ешь, мой посвящённый брат.
В причастной чаше вспенилась Хаома –
Вот два свидетеля в безмолвии стоят.

Ты в Арьяварте вновь. Ты удостоен дома.
Ты стал причастником. Теперь тебе знакомо
Светило ариев, великий Зонненрад.

РОЩИ

Герои не умрут. Герои будут живы.
Они из племени великих аватар.
Их будит ото сна даммару Бога Шивы,
Они нам принесут великолепный дар.

Пусть зорь тантрических вновь полыхнёт пожар.
И смолкнут те уста, что от рожденья лживы.
И рухнет бастион обмана и наживы,
Что превратил наш мир в немыслимый кошмар.

Герои близятся. Откройте двери храмов
И дайте им вкусить от жертвенной еды.
И дайте вин и женщин без изъянов.

Герои к нам пришли. Они сомкнут ряды,
Чтоб защитит от черни и профанов
Священных рощ созревшие плоды.

КАДМ

Что ждёт тебя, ещё не знаешь сам,
Смывая с рук кровь мёртвого дракона.
Согласно Воле, ты грядущим племенам
Создал незыблемость и правоту Закона.

Внимай оракулам, сын Агенора Кадм,
Пока ты сам не принял облик змея;
Пока стоит ещё гранитная Кадмея,
Как бастион, не сдавшийся врагам.

Я шёл к тебе давно, сквозь сумрачные годы,
Тропой извилистой, я шёл сквозь времена.
Фиванец, мы одной, наверное, породы...

И долг один у нас и, может быть, страна.
Я поле распахал и бросил семена,
Я жду в ночи. Я знаю, будут всходы.

ВАДЖРА

Сплетенье молний – фасция Богов,
Сожги во мне намёк на человека.
Я так хочу. Мне тягостна опека,
Субтильный мир тревожных полуснов.

Чтоб в тишине арктических снегов
Взошло светило Золотого Века.
Чтоб в треугольнике сомкнулось веко
Соглядатая сумрачных миров.

Огонь Божественный, ты – солнечный алмаз,
Возможность Духа в мире имитаций,
В делирии вождей и зверском бунте масс.

О, молот ваджры, знак инициаций,
Гиперборейский символ, стань для нас
Стальным штандартом будущих реакций.

ВРЕМЯ АВАТАР

Мы пробуждаемся. Приходит наше время.
Земля и Солнце вновь вступают в брак.
Герой разрушил мрачный саркофаг
И сбросил с плеч томительное бремя.

Мы пробуждаемся – Богоподобных племя.
Нам брошен клич и подан тайный знак.
Пусть сеется в ночи неведомое семя,
И крепости сдаёт отчаявшийся враг.

Мы дар несём. Примите благо дара,
Блаженство высшее примите от щедрот.
Отведайте наш хлеб и оцените мёд.

Мы так добры, но отблески пожара
Видны в глазах. Мы – озорной народ.
Мы – дети Солнца. Каждый – аватара.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

И боль, и радость – Жертвоприношенье.
Слепым Богам – непостижимый дар.
Не для спасенья от каких-то кар
И уж совсем не ради снисхожденья.

Как он горяч наш агональный пар,
И тяжек дым неведомых курений.
И так вовек, и так без изменений
Священный нож и жертвенный удар.

Но тайны есть, которые хранимы
Лишь теми, чей обет и страшен, и суров.
Они не писаны, они не огласимы.

Они опасны для любых основ.
Коль Жертва со Жрецом уже не делимы,
Им дела нет и до слепых Богов.

НЕКРОМАНТЫ

Нас часто именуют – некроманты.
По сути, мы – магическая знать.
Но мы не будем ни о чём гадать,
Листая плит надгробных фолианты.

Начертим формулы, чтоб нежитей созвать.
В урочный час, когда пробьют куранты.
Дабы к живым прибыли равенанты;
А кто живой, лишь нам распознавать.

Смотри внимательно. Вот новый Вавилон.
И свадебная скорбь. И радость похорон.
И фантономных персонажей пляска.

Вот этот юноша... Он явно не фантом...
С ним, Смерти, кажется, кокетничает маска.
И ведомо лишь нам, чем очарован он.

СЕМЬ

Магическим ключом мы отомкнули двери.
И в зал вошли. Он тёмный был и глух.
И только в креслах семеро старух
Зловещим шёпотом всё спорили о вере.

Их облик странен был. Не люди и не звери...
Их разговор напоминал жужжанье тучных мух,
На пир слетевшихся, чтобы по полной мере
Распада смаковать невыносимый дух.

Когда Вы вздрогнули, я молвил: «Неужели,
Вы здесь бесед изящных захотели,
Чтоб Красотой и Смыслом баловали Вас.

Здесь речи не слышны. И не звучат свирели.»
Сказал. Зажёг светильник. И тотчас
Лишь семь портретов со стены на нас глядели.

ПУСТОТА

Мне грезились дворцы, где явь и сказки слиты.
Мне грезились сады с диковинным зверьём.
Ещё источник, и как будто в нём
Под утро плещутся беспечные Хариты.

О чём я говорю. Мои дворцы в былом.
И звери дивные безжалостно убиты.
Донжоны рухнули. Все витражи разбиты.
Хариты в монастырь ушли или в публичный дом.

Но странно так, среди этих разрушений
Мне что-то шепчут призраков уста,
Что хочется склонить молитвенно колени.

Я вглядываюсь в ночь. Конечно, это Та
Нисходит медленно, преодолев ступени...
Сплошные кружева, духи и пустота.

ПАРАДИЗ

В твоих альковах красные гардины,
В твоих альковах странный полусвет.
Бывает здесь монах, и шулер, и поэт,
И целой ротою стоят гардемарины.

Здесь каждый член обласкан, как кларнет,
Губами алыми... Не губы, а рубины.
Дробятся в зеркалах нескромные картины,
Стократно повторив их омутом минет.

Вот это Рай... Не ханжеский. Не скучный.
А настоящий праздничный бардак.
Здесь празднует Приап, с развратом не разлучный.

Здесь плоть цветёт, как опиумный мак.
А ты, менада, плотью дразнишь тучной
И украшаешь фавну лаврами елдак.

НОЧНОЕ БЕШЕНСТВО

Ночное бешенство порочных роз,
Где каждая чернее антрацита,
Скрывает столь губительный гипноз,
Что дева не одна была уже убита.

Сад мёртвых дев... Роса застывших слёз...
И розы чёрные... се – тема для пиита.
Погибель Ваша, видимо, сокрыта
В тотальном Ужасе метаморфоз.

Но Вам не терпится. Вам хочется со мной
Пойти гулять по гибельному Саду,
Сегодня же. Полуночной порой.

Вам надобно испытать последнюю усладу.
Я Сада этого не затворю ограду.
И Смерти Вашей не скажу: постой.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Не древним сфинксом, что из Фив,
Не в ритуальной маске Бога;
А в облике Единорога
Прибеду к Вам, опять смутив.

Чтоб вашей плоти зреть извив,
Взыскательно и очень строго.
Чтоб Вы проникновеньям Рога
Открылись, рог мой ощутив.

Так суждено: Единорог... Блудница...
Мистерии запретных нег...
Мы книг магических страницы.

Ложатся тени возле век.
И через нас Железный Век
Вновь в Золотой преобразится.

ЛУННЫЙ ТАНЕЦ

Я прикоснусь губами к этой Чаше.
Рога Изиды. Полукруг Луны.
Нам явь пригрезилась; она лишь только сны,
А может сны – все устремленья наши.

Не правда ли, что нет и что не будет краше
Лишь тех, кто при Луне обнажены.
Тех, кто одежды сбросили вины,
Лишь тех, кто бликами и музыкой украшен.

Из Чаши Лунной будем пить вино,
Где смешаны всех трав и смол всех ароматы.
Лишь избранным испить его дано.

Мы в эту ночь не ведаем утраты.
Смотрите же, нам это суждено:
Не ангелы, не демоны... Но мы опять крылаты.

ВАШ ДАР

Смотрите, милая, как факелы горят.
И тайный зал причудливо украшен.
Мы пьём вино, и нам не страшен
Сулящий гибель медленную яд.

В окно взгляните, нам парят
Химеры над ажуром башен.
И в жаждущее лоно пашен
Роняет Сеятель зерно расплат.

Со мной склоняясь над гримуаром,
Внимаете Вы шелесту страниц
И в смыслы, что неведомы профанам.

Вы тем, любимая, отличны от девиц,
Что в шёлк волос, поймавши певших птиц,
Их щебет раздаёте даром.

ЗОЛОТАЯ ГРИВА

Я приступаю к Царственной Работе,
Оставив мир subtilных безобразий.
На алтари я содроганья плоти,
Принёс давно в предгибельном экстазе.

Я Вас покинул. Тщетно вы зовёте,
Меня, утратив на последней фазе.
Личины Ваши, будто бы в проказе,
А лик мой словно в тайной позолоте.

Я Алый Лев, чья золотая грива,
Искрится весело среди холмов отлогих.
Она изыскана и очень прихотлива.

Иду я вновь среди ландшафтов строгих;
Такое страшное непосвящённым диво.
Ведь эта грива – роскошь для немногих.

ЕДИНОРОГ. АКРОСТИХ

Есть у меня таинственный двойник.
Днём различить сей образ невозможно.
И только в сумерках, и только лишь на миг
Намёком выступает он тревожно.
Он странный Зверь. Он обожает дев.
Рог венчан у него короной коматозы.
О, как же ты спешишь, чтобы, совсем сомлев,
Гореть на нём подобьем алой розы.

САЛАМАНДРА

Сей мир сгорит, как богохульный свиток.
Алмаз обуглится и снова станет пеплом.
Луна затмится киммерийским крепом;
А в сумерках не отыскать уже калиток.
Молчите же. Любая речь нелепа.
Алхимик, выброси поддельный этот слиток.
Ночь приближается... Вот плавится избыток...
Дрожат огни уже на стенах склепа.
Развейся искрами, что от рожденья слепо.
Адептам огненный мне подносить напиток.

ARS REGIA

Король вступает в Брак. Вот ждут его покои.
О, как же хороша Невеста Короля.
Раздеться и возлечь. И сотворить такое,
О чём и помышлять, наверное, нельзя.
Любовь, пример того, как надобно границы
Естественно попать, восстаньем естества.
Восход помедли же. Дай плоти истомиться.
Созреть подобием запретного Плода.
Как это благостно и как же это страшно,
Оставить всё. Стать во едину плоть.
Есть право тех, кто наготой украшен
И стыд Богов сумели побороть.
Созрей запретное. Налейся соком страсти.
Как и тогда... Влеки запретный Плод.
Усталость прочь! В тинктуре сладострастья
Сейчас крещается наш королевский род.
Сейчас творится то, что пониманья выше,
То таинство Четы... Зело опасный Путь.
Вот, что-то осознав, в анналы кто-то впишет
О том, как Сера страстно любит Ртуть.

ТЕЛЕМА

Так говорил ТО MEGA THERION...
Есть Высшее, что подчинилось Воле.
Любовь венчаем, повторив пароли,
Её возводим мы на Трон.
Мы знаем, что приблизился Эон,
А в нём – единство Радости и Боли.

ЗВЕРЬ

Твори, что хочешь. Вот Закон.
Он приближается. Заря кровавит лица.

- Меня возьми, - твердят девицы,
Ему из плоти уготовав Трон.
Гор воцарился. Облик хищной птицы.
Авгуры знают – это Он.

Теперь всё можно – се не сон.
Его седлает Алая Блудница.
Разверзлась Бездна. Близок Небосклон.
И нам дано в Любви преобразиться.
Она и Он. Приблизился Эон.
Нам - Чаши страшные. Чтоб допьяна напиться.

БАБАЛОН

Блаженством наполнены чаши созвездий,
Адепты кайфуют в объятиях Нут.
Бессмертны лишь те, кто от ласковых лезвий
Апокрифы шрамов на коже несут.
Любовь разрушает иллюзию пут.
Она отверзает ворота возмездий.
Нагая Блудница и Монстр грядут.

МОРСКИЕ АКРОСТИХИ

1

Морской галлюциноз. Кто грезит под Луною?
Аквамарин волны? Наяды над волною?
Реальность позабуди. Она всего лишь сон.
И дует в раковину причудливый тритон.
Наяды же бледны и кажутся порою
Аквамарином волн и грёзой под Луною.

2

Магический дворец затоплен Океаном.
Акулы пристально глядят сквозь витражи.
Развратные истории акулам расскажи;
Им ведай обо всём сомнительном и странном.
Новеллы эти наглые пажи,
Альковы штурмовав, рассказывали дамам.

3

Моя ты или нет. Не знаю. Всё равно.
Адепту неважны какие-то различья.
Раненье всё ж саднит. Сие мне не привычно,
И верно то, что я в Цепи звено.
Но ты... Но ты... Меняешь ты обличья,
А облик твой постигнуть не дано.

4

Молчанье. Месса Феникса. Порез и Возрожденье.
А на облатке Кровь. Ты знаешь, Кровь моя.
Распяты суждено, и сладостно томленье,
И в Чашу Жертвы изливаюсь я.
Но Бабалон... Ты ребус бытия.
А мне решать твои хитросплетенья.

5

Мне суждено чертить магические знаки,
А Вам – читать заклęcia пароли.
Реторта Тайное сейчас хранит во мраке,
И вновь горчат крупицы этой Соли.
Нам в алхимическом сливаться Браке,
А міру погибать согласно нашей Воле.

6

Мір постигает здравый смысл,
Агонию Любви и Фанатизма.
Разрушен Замок силой катаклизма,
И разум всё давно уже исчислил.
Но сколько было в Замке том магизма!..
А ныне всё абстракции да числа.

ЛИЛИТ. ЛОЛИТА. ЛОРЕЛЕЯ

1

Лилит опять склонилась надо мной,
И плоть холодная свивается лианой.
Лишь между ног поманит этой раной
И тут же тает в тишине ночной.
Так орошаю ночь жемчужностью фонтанной.

2

Лилит... Лолита... Маленький зверёк.
Однако явственный и очень сладострастный.
Любить тебя, я знаю, путь опасный.
И маленьких грудей и детских этих ног;
Так манит зов, такой всевластный,
Алькова твоего переступить порог.

3

Лилит... Лолита... Лорелея...
Откинь же волосы прозрачною рукой.
Рейн древний спит, в туманах млея.
Ещё я жив. Так пой же, пой.
Любви не знаешь ты, и вот, немея,
Едва услышав пенье, будто бы слепой,
Я шествую в пучину за тобой.

САРКОФАГ АДЕПТА

Я вас прошу: не надо слёз,
Шалуний плачь не слаще яда.
И даже театральных поз...
Ни роз, похищенных из сада.
Сей саркофаг – сосуд метаморфоз,
Адепт ушёл. Куда? Искать не надо.

